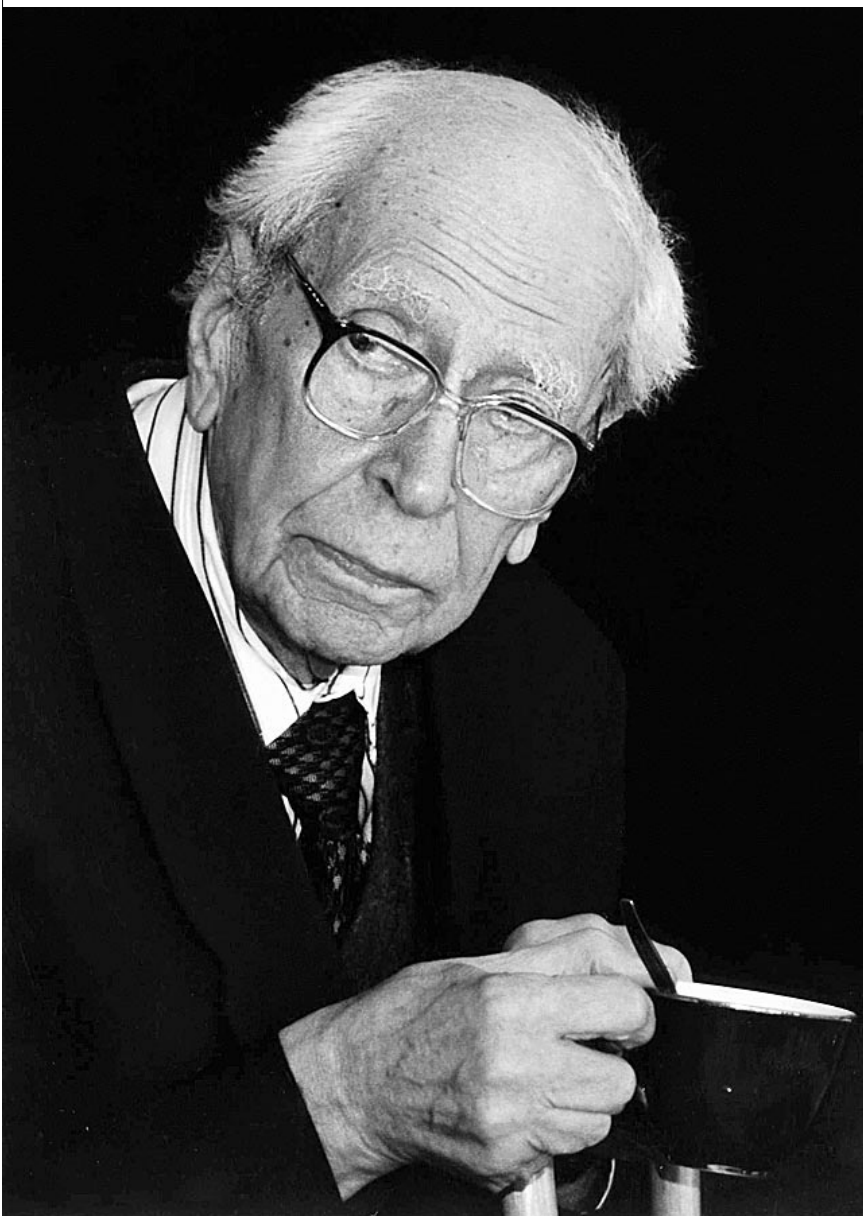

Лишние люди

К 100-летию со дня рождения академика Дмитрия Лихачева

А. С. Запесоцкий

Недавно в беседе с двумя журналистками я был озадачен вопросом: «Существует Власть и Бизнес — Кремль и Мордашов, Совет Федерации и «нефтянка», Госдума и Газпром. А кому и зачем нужна интеллигенция?» Журналистки транслировали интерес массовой аудитории. И я понял, что за последние 15 лет Россия действительно стала другой страной. Интеллигенция не играет в ней сколь-нибудь существенной роли.

Новое пришествие или «тень отца Гамлета»?

В иные времена интеллигенцию боготворили и ненавидели, ее считали мозгом нации и обзывали экскрементами, ее боялись, уничтожали, возвеличивали, выслали на пароходах, пытались купить высокими постами, с ней запрывали. Считать интеллигентом было престижно. Само выражение «истинный интеллигент» говорило о том, что были и неистинные — многие пытались выглядеть интеллигентами. Тогда спорили о том, обязательно ли интеллигент должен быть в оппозиции власти, или он должен сам идти во власть, чтобы претворять в жизнь свои убеждения. Теперь власть увлечена спорами с бизнесом. Власть хочет денег, а бизнес хочет власти. Так ненавидят и любят друг друга, что просто спелится в чувственном экстазе. Интеллигенция для них — третий лишний.

Ельцинский период — время очередной революции и смуты на Руси. Для многих — затмение и разума, и совести. Общество вдруг стало напоминать потерявшую человеческий облик толпу, бросившую громить винные склады. Теперь наступает отрезвление. Впрочем, далеко не все позволили себе запачкаться участием в погроме. Ни Дмитрия Лихачева, ни Даниила Гранина в рядах погромщиков не было. Сохранили человеческое достоинство и миллионы простых людей, продолжавшие делать свое дело: учить детей, лечить стариков, печь хлеб.

И не случайно в последнее время снова начали вспоминать об интеллигенции. Что-то в стране без нее не получается. Думается, без интеллигенции не может состояться воссоздание сильной, независимой России. А именно это, как становится все более очевидным при приближении к завершению срока президентских полномочий В. В. Путина, было его личным приоритетом. По мере укрепления властной вертикали выяснилось, что собрание страны во едино, применение административных рычагов весьма затруднительно без нравственных точек опоры.

Выяснилось, и что безнравственная экономика не может быть эффективна. Но самое главное — существенно меняются настроения рядовых граждан. Оказывается, что материальные ценности при всей их привлекательности не могут в России заменить ценности духовные. Таким образом, складываются новые предпосылки для возрождения интеллигенции. Но существует ли сегодня в стране истинная интеллигенция и способна ли она соответствовать новым вызовам эпохи?

Как это часто бывает, желание осмыслить настоящее и попытку заглянуть в будущее, тем более — на него повлиять, заставляют заново обратить свой взор в прошлое. В этой связи закономерен нынешний интерес к идейному наследию академика Лихачева, духовно-нравственному облику его фигуры: Дмитрий Сергеевич не только больше всех сделал для осознания глубинной сути, общественной природы интеллигенции, но и сам стал ее общеприятным олицетворением.

Нетипичный ученый

Лихачев для сегодняшней науки нетипичен. Как насмешливо говорил Козьма Прутков, специалист подобен флосу. Это в минувшие века можно было быть физиком, химиком, биологом, математиком и геологом в одном лице. И все же ученые-энциклопедисты появляются и среди нас. Правда, распознать их не всегда удается сразу.

В 80-е годы общественное мнение возвело Лихачева в ранг культовой фигуры общенационального масштаба благодаря его выступлениям в защиту культуры. Академик вступал в споры, когда власть проявляла невежество, и нередко одерживал победы благодаря научному авторитету, глубине своей аргументации и исключительной внешней простоте приводимых доводов, делавшей их понятными даже плохо образованным партийным функционерам.

В то время многие начали завидовать его популярности. За глаза стали упрекать Лихачева в популярности, заторстве в ущерб академизму. По сути — в легковесности. И только

теперь, когда страсти поутихли, когда его работы оказались снова востребованы, когда появилась возможность обстоятельного ретроспективного анализа, стала высветливаться научная значимость, казалось бы, популяризаторских работ академика, выполненных им «на общественных началах».

Происходит треть (после литературоведческого и общественно-го) признание Лихачева — как крупнейшего ученого-гуманитария и выдающегося российского мыслителя двадцатого века.

Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция

Одна из самых ярких работ Д. С. Лихачева — статья «О русской интеллигенции». Понятие это по Лихачеву — чисто русское. Интеллигенцию нельзя считать социальной группой, слишком она разнородна: дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, поморские рыбаки.

У Дмитрия Сергеевича не вызвало возражений, что интеллигент — это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой. Но дальше выделялись черты, неведомые официальной советской науке. В первую очередь — свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании». В России, в условиях деспотизма, такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Открыто выражать свои мысли трудно, а скрывать их — еще труднее. Отсюда — особое отвращение к деспотизму как специфическая черта русской интеллигенции.

Свобода для интеллигента — это нравственная категория. Не свободен он только от совести и от своей мысли. Совесть в предстании Дмитрия Сергеевича — это «рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни».

Труды Лихачева — настоящий гимн русской интеллигенции. Ученик считает, что она в целом выдержала испытание временем: «Мужество русской интеллигенции, десятилетиями сохранившей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. Два парохода понадобилось осенью 1922 г., чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности».

Читая описание этого геноцида, невольно приходишь к сравнению с гонениями на христиан. Принципиальное отличие, пожалуй, в одном. Верующие в Христа были носителями хотя и сформировавшихся на огромном духовно-историческом материале (включавшем римскую философию), но все же новых взглядов. Интеллигенция же отстаивала хорошо известные ценности, выработанные в ходе всего развития человечества. И если гонители христиан были в общем-то вульгарными консерваторами, вполне обычными людьми своего времени, то душители интеллигенции выступали против традиционной, против высшей в ряде отношений линии в развитии мировой культуры и оказались в своем роде «недолодыми».

Переосмысление старых истин

В середине 90-х годов нам с профессором Владимиром Триодиным удалось организовать ряд общественных дискуссий по проблемам интеллигенции с участием, пожалуй, самых крупных российских мыслителей того времени. Ученые: Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин,

Владимир Ядов, Николай Скатов; писатели: Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожин и другие собирались для того, чтобы в своем кругу найти современные ответы на некоторые старые вопросы.

Материалы этих дискуссий опубликованы нашим университетом в книге «Судьба российской интеллигенции» в 1999 году. При большом различии взглядов мы сошлись на том, что образование без совести и независимости дает обществу иной типаж, смачно названный Солженицыным «образованьем». Обычно образованцы выдают себя за интеллигентов. Именно они льнут к власти и не брезгуют обслуживанием бизнеса.

Дмитрий Лихачев отмечал, что уже на рубеже XI—XII веков внутренней свободой обладал киевский князь Владимир Мономах, являвшийся прообразом интеллигента. Другим прообразом на рубеже XV—XVI веков был монах Максим Грек. В конце XVIII века, по мнению академика, настоящими интеллигентами были Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. Первое массовое выступление интеллигентов — это Декабристское восстание. Декабристы не только проявили внутреннюю свободу, но и пошли против своих сословных интересов. Характерно, что интеллектуальная свобода помешала им одержать победу. Они не смогли объединиться именно потому, что были интеллигентами. Тогда впервые одновременно и отчетливо проявились и организационная слабость, и духовная, нравственная сила интеллигенции.

С самого начала российская интеллигенция стала выступать как носитель гражданского и национального самосознания. Оказалось, что ее интересы не связаны ни с личной выгодой, ни с интересами классов. Интеллигенция — это не класс, не партия, не профессиональное объединение, у нее никогда не было писаного устава, иерархии, формальной организации. Однако русская интеллигенция всегда имела свои собственные символы веры, идущую изнутри дисциплину и традиции. Это — независимое, неформальное движение, одно из проявлений способности россиян действовать без подчинения какому-либо лицу, издающему декреты и налагающему на всех единую волю. Ведущий принцип интеллигенции — служение простому народу.

Отсюда и особая нравственная позиция интеллигенции, чувство гражданской и социальной ответственности, способность мучительно переживать протекающие в обществе процессы, а не замыкаться эгоистически и равнодушно в узких границах собственного бытия. Отсюда — и представление о ней как о разуме и совести нации. Спрашивать, зачем России нужна интеллигенция, то же самое, что спрашивать, нужна ли ей совесть. Общепринятых ответов на подобные вопросы не существует.

Интеллигенция, по мысли Лихачева, — это особый, в ряде отношении высший «продукт» мировой культуры, одна из вершин развития европейской (христианской) духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Образование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России, торжество человеческого духа.

Судьба интеллигенции как открытый вопрос

Сегодня во власти есть люди, относящиеся к интеллигенции с большой симпатией. Два президентских указа об увековечении памяти Дмитрия Лихачева — наглядное проявление его личных взглядов. Тем не менее чиновничество в целом, конечно, будет вести себя по отношению к интеллигенции — как обычно: пытаться предельно цинично ее использовать, если не получится — дискредитировать. Бизнес же пока представляет себе взаимоотношения с интеллигенцией — как новые русские со своими секретаршами.

Думаю, власть и бизнес могут пристроить к обслуживанию своих потребностей образованцев, но не интеллигентов. Тем, кто этого не понимает, стоит вспомнить уроки XX века. Казалось, согнули, подчинили, купили, приручили. Но дело кончилось тотальным крахом режима. И кто был всем — стал ничем.

Вместе с тем интеллигенции присущи и отрицательные качества. Подтверждая законы дарвинизма, она нередко оказывается бессильна при столкновении с неинтеллигентностью, проигрывает в борьбе за существование. Сказывается и ее способность легко увлекаться яркими идеями, неумение педантично разрабатывать концепции и методы их реализации. В полной мере это проявилось в ходе революций начала XX века, идеологически подготовленных интеллигенцией. И благородный порыв к радикальному обновлению общества, выстраданный ею в 60—80-е годы, обернулся разрушительным кризисом для страны.

К тому же нарушены процессы воспроизводства интеллигенции. Ее перестали выращивать многие ведущие российские вузы, превратившиеся в очаги коррупции и образованщины. Сегодня мы являемся свидетелями возрождения в молодежной среде сословия новых мещан, стремящихся к бесконфликтному и безбедному существованию. Их помыслы не сопряжены с какими-либо нравственными исканиями.

Истощение слоя совестливых людей приводит к тому, что общество начинает жить суррогатами. Теперь власть пытается назначать своих лидеров для интеллигенции. И использует для этого образованцев...

Что делать?

Позиция интеллигента, по Лихачеву, должна зависеть от того, что власть делает для страны и народа. Если действует во благо — быть вместе с ней. В противном случае — быть в оппозиции. Идти во власть — не дело интеллигенции. Это неизбежно оборачивается поражением.

Возможно, власть когда-нибудь и научится прислушиваться к интеллигенции во имя высших интересов страны и тогда уподобится Богу. Но пока ей до этого немного далековато. Быть может, отечественная интеллигенция возродится как разум и совесть нации. Другой сценарий развития — превращение русского этноса в обычный европейский народ, довольствующийся наличием интеллектуалов.

...Дмитрий Лихачев многие годы был открыт и научному миру, и обществу. Более того, он находился в центре внимания. Странно, но его жизненный путь на сегодня удивительно мало осмыслен. По-моему, понять Лихачева — означает понять лучшее, что есть в Петербурге, в России, понять те крупицы хорошего и ценного, что есть в нас самих. Чтобы быть хоть немного похожими на эту легендарную и почти исчезнувшую особую породу людей — петербургских, ленинградских интеллигентов.

(Полностью работа А. С. Запесоцкого публикуется в журнале «Нева», № 11, 2006 г.)

СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

Запесоцкий Александр Сергеевич — ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования. С Д. С. Лихачевым сотрудничал с 1992 года до ухода академика из жизни. В 1995—1996 годах организовал разработку «Декларации прав культуры» группой ученых под научным руководством Д. С. Лихачева. В 1999 году реализовал предложение Д. С. Лихачева по созданию Конгресса петербургской интеллигенции (учредители — Д. С. Лихачев, Ж. А. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). Председатель исполкома Конгресса. Автор книги «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог».